

24 октября 2009 г.

Лия не отказалась бы от боксерской груши. На ней она нарисовала бы лицо Энтони. Может быть, она и любила его так, как только можно любить раздражающего младшего брата, но сейчас он с радостью попирает границы ее терпимости.

Ладно, она понимала его потребность загладить свою вину, перевернуть все с чистого листа после неприятного пребывания в Афганистане, но чтобы он стал изображать героя за счет Джона? Как он мог надеяться исправить мир, если его собственная семья разваливается, а он не делает ничего, чтобы это исправить?

Результатом последних выходов Энтони стал угрюмый Джон, который проводил время, рисуя углем невеселые сцены, например, сельскую местность под дождем или психически больных людей, смотрящих в пространство. Когда мальчик возвращался к подобным темам, это требовало немедленного и серьезного вмешательства - а она-то думала, что он прекратит это делать, когда его отец вернулся домой. Вот и все ее надежды.

Даже клубничный молочный коктейль со взбитыми сливками и красным фруктовым кулисом не мог ее успокоить, настолько она была взвинчена.

"Неужели сейчас тот самый момент, когда можно пожалеть, что не взял с собой переносной бункер?" - спросил Обадаия, полушутя, полусерьезно.

"Ты так думаешь?" - ответила она, тут же пожалев о своем раздраженном тоне. "Простите. Я сейчас... устала".

Обадиа сочувственно хмыкнул.

"Вам следует отдохнуть. Если ты будешь продолжать в том же духе, то в конце концов задушишь Тони голыми руками".

"А вот это хорошая идея", - рассеянно прокомментировала молодая женщина, опасно искренняя.

Ее собеседница не улыбнулась.

"Серьезно, Лия. Сделай перерыв. Займись зеленью. Это не повредит ни тебе, ни другим. По крайней мере, это поможет тебе не срывать еще какое-то время".

"Я должна присматривать за Джоном", - ответила она, скорее устало и покорно, чем уверенно. "Энтони уехал развлекаться на улицу, и малыш остался совсем один".

"Я могу тебя подменить. Выходные с ребятами подарят ему улыбку. В его возрасте, знаете ли, мальчику легче расслабиться, когда он не сидит под маминой юбкой двадцать четыре часа в сутки".

Лия долго колебалась. Официально она была няней и гувернанткой, чья основная работа заключалась в присмотре за Старками - ведь Энтони считался взрослым только в юридическом смысле этого слова. Но в душе пять месяцев неопределенности, а затем стресс от выходов Энтони и затяжной депрессии Джона измотали ее нервы до предела.

Даже у богов есть свой предел.

"Мастерская по рисованию заканчивается через три четверти часа", - сказала она. Не опаздывай, а то Джон попытается добраться до дома самостоятельно, а я не хочу, чтобы он оказался на улице, как блинчик, потому что не обратил внимания на движение".

"Ты слишком много беспокоишься", - мягко упрекнул ее Обадайдя, заслужив очень ровный зеленый взгляд.

"Это моя работа - беспокоиться о нем".

Сказать, что Джон был удивлен приездом шофера Оби, а не Тилли, которого везла Хэппи, было бы все равно, что сказать, что небо голубое. В конце концов, у мальчика был свой собственный распорядок дня, и он не любил, когда его нарушали без предупреждения.

"Все произошло в последнюю минуту", - извинился Оби. "Лия была слишком пьяна, чтобы приехать, и она решила, что будет лучше, если ты немного отстранишься от ситуации".

"Значит, она разрешила тебе похитить меня после школы и отвезти в аэропорт, чтобы я уехал из страны?" - спросил мальчик, приподняв бровь.

Обадайдя дернулся при упоминании слова "похищение", но его лицо почти сразу же просветлело.

"Не из страны, в конце концов. Только из Калифорнии. Вы все еще любите Мичиган, не так ли? Два дня наслаждаться озерами и есть тосты с кленовым сиропом".

"Слишком холодно для плавания, и я предпочитаю персиковый джем", - напомнил Джон, не в силах удержать уголок губ от легкого изгиба. "Ты сказал школе, что я могу отсутствовать? Мне сейчас не очень хочется работать".

Обаидя по-отечески похлопал мальчика по плечу.

"Полное спокойствие. Никакого телефона и Интернета в течение двух дней, а если хочешь, то и дольше. Что скажешь?"

Джон на мгновение пожалел о невозможности воспользоваться компьютером, но потом вспомнил, что в рюкзаке у него есть пастель и альбом для эскизов. На этом можно выжить.

Тони был хорошо знаком с поговоркой о том, что любить - значит дать другому средство уничтожить тебя, молясь, чтобы он им не воспользовался. Он смог убедиться в ее правильности после аварии 16 декабря 1991 года.

Теперь он снова видел подтверждение этому и горько сожалел о том, что доверился парню, который присвоил деньги Stark Industries, организовал его убийство с помощью афганских мудаков и сейчас занят тем, что вырывает у него высокотехнологичный кардиостимулятор.

Как ты мог, Оби? - пронеслось у него в голове, когда последний провод, соединяющий синий реактор с его телом, оборвался, заставив сердце бешено заколотиться, а легкие сжаться в тисках.

"Это великолепно", - восторгался Обадия, усаживаясь на диван рядом со своей жертвой и обнимая ее за плечи, словно не он только что приговорил ее к смерти. "О, Тони, это твоя Девятая симфония. Какой шедевр! Только взгляните на нее! Это твое наследие: новое поколение оружия, в основе которого лежит это. Оружие, которое поможет вернуть мир в нормальное русло, передаст баланс сил в наши руки. В правильные руки".

Монолог злого гения успел сложиться в голове Тони, пока он пытался отдышаться. Обычно он закатывал глаза или хихикал, когда мастер зла произносил свою маленькую речь перед героем, завернутым в колбасу и готовым пойти на корм акулам. О, он никогда больше не будет смеяться, это было ужасно и совсем не смешно, когда это происходило с тобой лично.

Пукнув, он должен был двигаться. Он действительно должен был двигаться, он должен был встать и разбить лицо Обадии. Да и вернуть свой носовой реактор тоже было бы неплохо. Но, увы, ему удалось лишь жалобно вздрогнуть, когда предатель упаковал его кардиостимулятор в чемодан и приготовился уходить.

И тут слова, произнесенные Обадией, заморозили его еще сильнее, чем парализатор.

"Жаль, что ты втянул Пеппер во все это. Я бы предпочел, чтобы она выжила. Джон теперь останется сиротой из-за вас двоих. Не волнуйся, Тони, я уже позаботился о Джоне".

Тони мог бы прогуляться по льдине в брюках, холод, вторгшийся в его артерии, должно быть, заигрывал с абсолютным нулем.

"Я думал взять его в заложники", - признался предатель, как признался бы в краже печени из

жестянки. "Отдать его вам в обмен на планы реактора. Но потом я подумал: а почему бы не получить и то, и другое? Достижения, которые стали возможны благодаря особым способностям вашего сына... Я не собирался плевать на это".

Он похлопал изобретателя по ноге, когда тот вставал.

"Я бы хорошо о нем позаботился, Тони. Для тебя."

Когда он, не оглядываясь, вышел из комнаты, в психике инженера выкристаллизовалась одна-единственная мысль: я тебя раздавлю. Никаких "если", "но" или "может быть" - Обадайт Стэйн умрет как подонок, которым он и был.

Мышцы Тони закричали в знак протеста, когда он заставил их поднять его с дивана и с безумной медлительностью направиться к лифту, ведущему в лабораторию. Он воспринял это ощущение на удивление отстраненно: на это не было времени, у него были более срочные дела.

Дойдя до нужного лифта, он рухнул на пол. Нет, - повторял он про себя, подползая к верстаку, на котором стоял памятник Пепперу, - я отказываюсь умирать. Сейчас не время. Джон. Пеппер.

Черные точки застилали зрение, когда он рухнул на бетон, легкие отказывались выполнять свою работу, цель была близка, но он собирался умереть, когда Джон будет в нем нуждаться...

Механизм Dum-E послушно зажужжал, когда роботизированная рука подхватила стеклянную коробку и поставила ее рядом со своим создателем. Разве это нормально - обнимать кучу болтов? Тони не стал бы медлить, если бы у него хватило сил.

"Молодец", - вздохнул он, прежде чем разбить коробку, чтобы извлечь реактор старого образца и вставить его себе в грудь. Ах, кислород. Забудьте о виски, старый добрый воздух стал его новым ядом. Он продолжал барахтаться в воздухе, вдыхая его так глубоко, как только мог, пока не пришел в себя, как раз в тот момент, когда в мастерскую ворвался Роуди.

Тони вцепился в него, как тигр, набрасывающийся на добычу.

"Где Джон?"

На лице Роуди отразилось замешательство и беспокойство.

"Он должен быть с Лией..."

Инженер покачал головой, пытаясь встать на ноги.

"Obadiah..."

"Пеппер уже едет с пятью агентами, чтобы арестовать его", - объявил Роуди, без труда поднимая его - о, преимущества службы в армии.

Тони закрыл глаза. Приоритеты: Пеппер и агенты не ожидали увидеть Обадаю в броне. Тем более с реактором Марк-2 в качестве резервного.

"Так не пойдет".

Телефон. Он должен был позвонить Мэри Поппинс.

<http://tl.rulate.ru/book/93478/3111052>